

1 ***

Жил на свете рыцарь бедный,
Молчаливый и простой,
С виду сумрачный и бледный,
Духом смелый и прямой.

Он имел одно виденье,
Непостижное уму,
И глубоко впечатленье
В сердце врезалось ему.

Путешествуя в Женеву,
На дороге у креста
Видел он Марию деву,
Матерь господа Христа.

С той поры, сгорев душою,
Он на женщин не смотрел,
И до гроба ни с одною
Молвить слова не хотел.

С той поры стальной решётки
Он с лица не подымал
И себе на шею чётки
Вместо шарфа привязал.

Несть мольбы Отцу, ни Сыну,
Ни святому Духу век
Не случилось паладину,
Станный был он человек.

Проводил он целы ночи
Перед ликом пресвятой,
Устремив к ней скорбны очи,
Тихо слёзы лья рекой.

Полон верой и любовью,
Верен набожной мечте,
Ave, Mater Dei кровью
Написал он на щите.

Между тем как паладины
Ввстречу трепетным врагам
По равнинам Палестины
Мчались, именуя дам,

Lumen coelum, sancta Rosa!
Воскликнул всех громче он,
И гнала его угроза
Мусульман со всех сторон.

Возвратясь в свой замок дальный,
Жил он строго заключён,
Всё влюблённый, всё печальный,
Без причастья умер он;

Между тем как он кончался,
Дух лукавый подоспел,
Душу рыцаря собирался
Бес тащить уж в свой предел:

Он-де Богу не молился,
Он не ведал-де поста,
Не путем-де волочился
Он за матушкой Христа.

Но пречистая сердечно
Заступилась за него
И впустила в царство вечно
Паладина своего.

2 ***

В пустыне чахлой и скупой,
На почве, зноем раскаленной,
Анчар, как грозный часовой,
Стоит – один во всей вселенной.

Природа жаждущих степей
Его в день гнева породила,
И зелень мёртвую ветвей
И корни ядом напоила.

Яд каплет сквозь его кору,
К полудню растопясь от зноем,
И застывает ввечеру
Густой прозрачную смолою.

К нему и птица не летит,
И тигр нейдёт: лишь вихорь чёрный
На древо смерти набезит –
И мчится прочь, уже тлетворный.

И если туча оросит,
Блуждая, лист его дремучий,
С его ветвей, уж ядовит,
Стекает дождь в песок горячий.

Но человека человек
Послал к анчару властным взглядом,
И тот послушно в путь потёк
И к утру возвратился с ядом.

Принес он смертную смолу
Да ветвь с увядшими листьями,
И пот по бледному челу
Струился холодными ручьями;

Принёс – и ослабел и лёг
Под сводом шалаша на лыки,
И умер бедный раб у ног
Непобедимого владыки.

А царь тем ядом напирал
Свои послушливые стрелы
И с ними гибель разослал
К соседям в чуждые пределы.

3 ***

Белеет парус одинокой
В тумане моря голубом!..
Что ищет он в стране далёкой?
Что кинул он в краю родном?..

Играют волны – ветер свищет,
И мачта гнётся и скрипит...
Увы! он счастья не ищет
И не от счастья бежит!

Под ним струя светлей лазури,
Над ним луч солнца золотой...
А он, мятежный, просит бури,
Как будто в бурях есть покой!

4 ***

Последняя туча рассеянной бури!
Одна ты несёшься по ясной лазури,
Одна ты наводишь унылую тень,
Одна ты печалишь ликующий день.

Ты небо недавно кругом облегал,
И молния грозно тебя обвивала;
И ты издавала таинственный гром
И алчную землю поила дождём.

Довольно, сокройся! Пора миновалась,
Земля освежилась, и буря промчалась,
И ветер, лаская листочки древес,
Тебя с успокоенных гонит небес.

5 ***

Мороз и солнце; день чудесный!
Ещё ты дремлешь, друг прелестный –
Пора, красавица, проснись:
Открой сомкнуты негой взоры
Навстречу северной Авроры,
Звездою севера явись!

Вечор, ты помнишь, вьюга злилась,
На мутном небе мгла носилась;
Луна, как бледное пятно,
Сквозь тучи мрачные желтела,
И ты печальная сидела –
А нынче... погляди в окно:

Под голубыми небесами
Великолепными коврами,
Блестя на солнце, снег лежит;
Прозрачный лес один чернеет,
И ель сквозь иней зеленеет,
И речка подо льдом блестит.

Вся комната янтарным блеском
Озарена. Веселым треском
Трещит затопленная печь.
Приятно думать у лежанки.
Но знаешь: не велеть ли в санки
Кобылку бурую запречь?

Скользя по утреннему снегу,
Друг милый, предадимся бегу
Нетерпеливого коня
И навестим поля пустые,
Леса, недавно столь густые,
И берег, милый для меня.

6 ***

Какой большой ветер
Напал на наш остров!
С домишек сдул крыши,
Как с молока – пену,

И если гвоздь к дому
Пригнать концом острым,
Без молотка, сразу,
Он сам войдёт в стену.

Сломал ветлу ветер,
В саду сровнял гряды –
Аж корешок редьки
Из почвы сам вылез

И, подкатясь боком
К соседнему саду,
В чужую врос грядку
И снова там вырос.

А шквал унёс в море
Десятка два шлюпок,
А рыбакам – горе, –
Не раскурить трубок,

А раскурить надо,
Да вот зажечь спичку –
Как на лету взглядом
Остановить птичку.

Какой большой ветер!
Ох! Какой вихорь!
А ты глядишь нежно,
А ты сидишь тихо,

И никакой силой
Тебя нельзя стронуть:
Скорей Нептун слезет
Со своего трона.

7 ***

Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освещает снег летучий;
Мутно небо, ночь мутна.
Еду, еду в чистом поле;
Колокольчик дин-дин-дин...
Страшно, страшно поневоле
Средь неведомых равнин!
«Эй, пошел, ямщик!..» – «Нет мочи:
Коням, барин, тяжело;
Вьюга мне слипает очи;
Все дороги занесло;
Хоть убей, следа не видно;
Сбились мы. Что делать нам!
В поле бес нас водит, видно,
Да кружит по сторонам.
Посмотри: вон, вон играет,
Дует, плюет на меня;
Вон – теперь в овраг толкает
Одичалого коня;
Там верстою небывалой
Он торчал передо мной;
Там сверкнул он искрой малой
И пропал во тьме пустой».
Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освещает снег летучий;
Мутно небо, ночь мутна.
Сил нам нет кружиться доле;
Колокольчик вдруг умолк;
Кони стали... «Что там в поле?» –
«Кто их знает? пень иль волк?»
Вьюга злится, вьюга плачет;
Кони чуткие храпят;
Вот уж он далече скачет;
Лишь глаза во мгле горят;
Кони снова понеслись;
Колокольчик дин-дин-дин...

Вижу: духи собралися
Средь белеющих равнин.
Бесконечны, безобразны,
В мутной месяца игре
Закружились бесы разны,
Будто листья в ноябре...
Сколько их! куда их гонят?
Что так жалобно поют?
Домового ли хоронят,
Ведьму ль замуж выдают?
Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освещает снег летучий;
Мутно небо, ночь мутна.
Мчатся бесы рой за роем
В беспредельной вышине,
Визгом жалобным и воем
Надрывая сердце мне...

8 ***

На днях, не знаю сам зачем,
Зашёл я в незнакомый дом,
Мне захотелось Кое с Кем
Потолковать о Том о Сём.
Я рассказал им, Кто, Когда,
И Почему, и Отчего,
Сказал, Откуда, и Куда,
И Как, и Где, и Для Чего;
Что было Раньше, что Потом,
И Кто Кого, и Что к Чему,
И что подумали о Том,
И Если Нет, То Почему?
Когда мне не хватало слов,
Я добавлял то «Ах», то «Эх»,
И «Так сказать», и «Будь здоров»,
И «Ну и ну!», и «Просто смех!».
Когда ж закончил я рассказ,
То Кое-Кто спросил: – И всё?
Ты говорил тут целый час,
А рассказал ни то ни сё!...

9 ***

В полдневный жар в долине Дагестана
С свинцом в груди лежал недвижим я;
Глубокая еще дымилась рана,
По капле кровь точилась моя.
Лежал один я на песке долины;
Уступы скал теснились кругом,
И солнце жгло их жёлтые вершины
И жгло меня – но спал я мёртвым сном.

И снился мне сияющий огнями
Вечерний пир в родимой стороне.
Меж юных жён, увенчанных цветами,
Шёл разговор весёлый обо мне.
Но в разговор весёлый не вступая,
Сидела там задумчиво одна,
И в грустный сон душа её младая
Бог знает чем была погружена;
И снилась ей долина Дагестана;
Знакомый труп лежал в долине той;
В его груди дымясь чернела рана,
И кровь лилась хладеющей струёй.

10 ***

Разве древний человек,
Например, в пещерный век
Мог бы строить, и творить,
И нигде не насорить?

Разве мог бы он мечтать,
Что-нибудь изобретать,
Если папа древний-древний
Вместе с мамой древней-древней
Без конца бы заставляли
Щепки-стружки подметать?

Для чего мы все растём?
Кое-что изобретём!
И уж если насорили,-
Извините, подметём!

11 ***

– Где же ты вырос, высокий папирус?
– Я в Эфиопии солнечной вырос!
С ветром попал я в болота Сицилии,
Где загорают и плавают лилии!

– Кто твои сестры, папирус высокий?
– Я из одной колыбели с осокой!
Листья мои шелковисты и плоски,
В древности резали их на полоски,
Клеили в свитки, сушили от влаги,
Чтобы использовать вместо бумаги.
Поэтам, художникам и звездочётам
Был я тетрадкой, альбомом,
блокнотом!

12 ***

Кто так светится? Душа.
Кто её зажжёт?
Детский лепет, нежный трепет,
Маковый лужок.

Кто так мечется? Душа.
Кто её обжёт?
Смерч летящий, бич свистящий,
Ледяной дружок.

Кто там со свечой? Душа.
Кто вокруг стола?
Один моряк, один рыбак
Из её села.

Кто там на небе? Душа.
Почему не здесь?
Возвратилась к бабкам, дедкам
И рассказывает предкам
Всё как есть.

А они ей говорят:– Не беда.
Не тоскуй ты по ногам и рукам.
Ты зато теперь – душа, ты – звезда
Всем на свете морякам, рыбакам.

13 ***

Нет, в жизни мне не повезло,
Однажды я разбил стекло.
Оно под солнечным лучом
Сверкало и горело,
А я нечаянно – мячом!
Уж как мне нагорело!
И вот с тех пор, с тех самых пор,
Как только выбегу во двор,
Кричит вдогонку кто-то:
– Стекло разбить охота?
Воды немало утекло
С тех пор, как я разбил стекло.
Но стоит только мне вздохнуть,
Сейчас же спросит кто-нибудь:
– Вдыхаешь из-за стёкол?
Опять стекло раскокал?
Идёт навстречу мне вчера,
Задумавшись о чём-то,
Девчонка с нашего двора,
Хорошая девчонка.
Хочу начать с ней разговор,
Но, поправляя локон,
Она несёт какой-то вздор
Насчёт разбитых окон.
Когда мне стукнет двести лет,
Ко мне пристанут внуки.
Они мне скажут: – Правда, дед,
Ты брал булыжник в руки,
Пулял по каждому окну? –
Я не отвечу, я вздохну.
Нет, в жизни мне не повезло,
Однажды я разбил стекло.

1965

14 ***

Снег идёт, снег идёт.
К белым звездочкам в буране
Тянутся цветы герани
За оконный переплёт.
Снег идёт, и всё в смятенье,
Всё пускается в полёт, –
Чёрной лестницы ступени,
Перекрёстка поворот.
Снег идёт, снег идёт,
Словно падают не хлопья,
А в заплатанном салопе
Сходит наземь небосвод.
Словно с видом чудака,
С верхней лестничной площадки,
Крадучись, играя в прятки,
Сходит небо с чердака.
Потому что жизнь не ждёт.
Не оглянешься – и святки.
Только промежутки краткий,
Смотришь, там и новый год.
Снег идёт, густой-густой.
В ногу с ним, стопами теми,
В том же темпе, с ленью той
Или с той же быстротой,
Может быть, проходит время?
Может быть, за годом год
Следуют, как снег идёт,
Или как слова в поэме?
Снег идёт, снег идёт,
Снег идёт, и всё в смятенье:
Убелённый пешеход,
Удивлённые растенья,
Перекрёстка поворот.

15 ***

Мгновенно слово. Короток век.
Где ж умещается человек?
Как, и когда, и в какой глуши
распускаются розы его души?
Как умудряется он успеть
своё промолчать и своё пропеть,
по планете просеменить,
гнев на милость переменить?

Как умудряется он, чудак,
на ярмарке поцелуев и драк,
в славословии и пальбе
выбрать только любовь себе?

Осколок выплеснет его кровь:
«Вот тебе за твою любовь!»
Пощёчины перепадут в раю:
«Вот тебе за любовь твою!»

И всё ж умудряется он, чудак,
на ярмарке поцелуев и драк,
в славословии и гульбе
выбрать только любовь себе!

16 ***

Бывает так: какая-то истома;
В ушах не умолкает бой часов;
Вдали раскат стихающего грома.
Неузнанных и пленных голосов
Мне чудятся и жалобы и стоны,
Сужается какой-то тайный круг,
Но в этой бездне шёпотов и звонов
Встаёт один, всё победивший звук.

Так вокруг него непоправимо тихо,
Что слышно, как в лесу растёт трава,
Как по земле идет с котомкой лихо...
Но вот уже слышались слова
И лёгких рифм сигнальные звоночки, –
Тогда я начинаю понимать,

И просто продиктованные строчки
Ложатся в белоснежную тетрадь.

17 ***

Опять ничего не могу я понять.
Опилки мои – в беспорядке.
Везде и повсюду, опять и опять
Меня окружают загадки.

Возьмём это самое слово «о-Пять».
Зачем мы его произносим,
Когда мы свободно могли бы сказать
«о-Шесть» и «о-Семь» и «о-Восемь»?

Молчит этажерка, молчит и тахта –
У них не добьёшься ответа,
Зачем это *хта* – обязательно **та**,
А *жерка*, как правило, **эта**!

«Собака кусается»... Что ж, не беда.
Загадочно то, что собака,
Хотя и кусает-СЯ, но никогда
Себя не кусает, однако...

О, если бы мог я всё это понять.
Опилки пришли бы в порядок!
А то мне – загадочно! – хочется спать
От всех этих Трудных Загадок!

18 ***

Перед своим зверинцем,
С баронами, с наследным принцем,
Король Франциск сидел;
С высокого балкона он глядел
На поприще, сраженья ожидая;
За королём, обворожая
Цветущей прелестию взгляд,
Придворных дам являлся пышный ряд.
Король дал знак рукою –
Со стуком растворилась дверь:
И грозный зверь
С огромной головою,
Косматый лев
Выходит;
Кругом глаза угрюмо водит;
И вот, всё оглядев,
Наморщил лоб с осанкой горделивой,
Пошевелил густою гривой,
И потянулся, и зевнул,
И лёг. Король опять рукой махнул –
Затвор железной двери грянул,
И смелый тигр из-за решётки прянул;
Но видит льва, робеет и ревёт,
Себя хвостом по рёбрам бьёт,
И крадется, косяся взглядом,
И лижет морду языком,
И, обошедши льва кругом,
Рычит и с ним ложится рядом.
И в третий раз король махнул рукой –
Два барса дружную четой
В один прыжок над тигром очутились;
Но он удар им тяжкой лапой дал,
А лев с рыканьем встал...
Они смирились,
Оскалив зубы, отошли,
И зарычали, и легли.

И гости ждут, чтоб битва началась...
Вдруг женская с балкона сорвалась
Перчатка... все глядят за ней...
Она упала меж зверей.
Тогда на рыцаря Делоржа с
лицемерной
И колкою улыбкою глядит
Его красавица и говорит:
«Когда меня, мой рыцарь верный,
Ты любишь так, как говоришь,
Ты мне перчатку возвратишь».
Делорж, не отвечав ни слова,
К зверям идёт,
Перчатку смело он берёт
И возвращается к собранью снова.
У рыцарей и дам при дерзости такой
От страха сердце помутилось;
А витязь молодой,
Как будто ничего с ним не случилось,
Спокойно всходит на балкон;
Рукоплесканьем встречен он;
Его приветствуют красавицыны
взгляды...
Но, холодно приняв привет её очей,
В лицо перчатку ей
Он бросил и сказал: «Не требую
награды».

Перевод с немецкого В.А. Жуковского

19 ***

Я вышел ростом и лицом –
Спасибо матери с отцом, –
С людьми в ладу –
не понукал, не помыкал,
Спины не гнул – прямым ходил,
Я в ус не дул, и жил как жил,
И голове своей руками помогал...

Бродяжил и пришёл домой
Уже с годами за спиной, –
Висят года на мне –
ни бросить, ни продать.
Но на начальника попал,
Который бойко вербовал, –
И за Урал машины стал перегонять.

Дорога, а в дороге – МАЗ,
Который по уши увяз,
В кабине – тьма,
напарник третий час молчит, –
Хоть бы кричал, аж зло берёт –
Назад пятьсот, пятьсот вперёд,
А он – зубами
«Танец с саблями» стучит!

Мы оба знали про маршрут,
Что этот МАЗ на стройке ждут, –
А наше дело – сел, поехал – ночь,
полночь!
Ну надо ж так – под Новый год –
Назад пятьсот, пятьсот вперёд, –
Сигналим зря –
пурга, и некому помочь!

«Глуши мотор, – он говорит, –
Пусть этот МАЗ огнём горит!»
Мол, видишь сам –
тут больше нечего ловить.
Мол, видишь сам – кругом пятьсот,

А к ночи точно – занесёт, –
Так заровняет, что не надо хоронить!..

Я отвечаю: «Не канючь!»
А он – за гаечный за ключ,
И волком смотрит
(он вообще бывает крут), –
А что ему – кругом пятьсот,
И кто кого переживёт,
Тот и докажет, кто был прав,
когда припрут!

Он был мне больше чем родня –
Он ел с ладони у меня, –
А тут глядит в глаза – и холодно спине.
А что ему – кругом пятьсот,
И кто там после разберёт,
Что он забыл, кто я ему и кто он мне!

И он ушёл куда-то вбок.
Я отпустил, а сам – прилёг, –
Мне снился сон
про наш «весёлый» наворот:
Что будто вновь кругом пятьсот,
Ищу я выход из ворот, –
Но нет его, есть только вход,
и то – не тот.

...Конец простой: пришёл тягач,
И там был трос, и там был врач,
И МАЗ попал куда положено ему, –
И он пришёл – трясётся весь...
А там – опять далёкий рейс, –
Я зла не помню – я опять его возьму!

26 ***

Жил-был Носорог,
На других непохожий:
Носорог
С удивительно тонкой кожей.
В джунглях жил,
Среди хищных зверей,
А кожа была у бедняги
Действительно
Тоньше бумаги
И очень, очень чувствительна!

С виду он был
Носорог носорогом,
Что говорит о многом...
Ноги как тумбы,
Чудовищная голова,
Рог на носу
Или даже, кажется, два!

Но хорошего носорога
Не прошибешь и дубиной,
А он еле-еле мог
Стерпеть укус комариный;
Погладят его против
шерсти –

И это его огорчает...
Таких мелочей носороги,
Как правило, не замечают!
Прут напролом носороги,
Не разбирая дороги!
Любят топтать и давить,
Мять и крушить носороги.
Кто на пути попадётся –
Не глядя,
Раздавят в лепешку...
А этот чудак Носорог
Не мог раздавить и кошку!
Этот чудак Носорог
С кожей тонкой

Разных мышат-лягушат
И то обходил сторонкой!
– Я, – говорит, – не могу!
Пусть все
Как хотят поступают,
Но, по-моему,
Им неприятно,
Когда на них наступают!

Толстокожие братья
Стали срамить Носорога:
– Это же чёрт знает что!
Носорог-недотрога!
– Вспомни, кто ты такой!
– Одумайся, тонкокожий!
– Ты ведь позоришь не только
себя –

Весь наш род Носорожий!..
– Ох, – отвечает чудак, –
Я с вами, братцы, не спорю!
Я просто не знаю,
Как помочь вашему горю!
Я понимаю вас,
Я ведь тоже
Зверь по натуре,
Но только я кое-что
Испытал на собственной шкуре...

Тем и окончился спор.
И чудак с улыбкою кроткой
В чащу лесную ушёл
Своей осторожной походкой.
Дружит он с птичкой Калау,
С братьями редко встречается
И, говоря между нами,
Не особенно огорчается!

Из вереска напиток
 Забыт давным-давно.
 А был он слаще мёда,
 Пьянее, чем вино.
 В котлах его варили
 И пили всей семьёй
 Малютки-медовары
 В пещерах под землёй.
 Пришёл король шотландский,
 Безжалостный к врагам,
 Погнал он бедных пиктов
 К скалистым берегам.
 На вересковом поле
 На поле боевом
 Лежал живой на мёртвом
 И мёртвый – на живом.
 Лето в стране настало,
 Вереск опять цветёт,
 Но некому готовить
 Вересковый мёд.
 В своих могилках тесных,
 В горах родной земли
 Малютки-медовары
 Приют себе нашли.
 Король по склону едет
 Над морем на коне,
 А рядом реют чайки
 С дорогой наравне.
 Король глядит угрюмо:
 "Опять в краю моём
 Цветёт медвяный вереск,
 А мёда мы не пьём!"
 Но вот его вассалы
 Приметили двоих
 Последних медоваров,
 Оставшихся в живых.
 Вышли они из-под камня,
 Щурясь на белый свет, –
 Старый горбатый карлик
 И мальчик пятнадцати лет.
 К берегу моря крутому
 Их привели на допрос,
 Но ни один из пленных
 Слова не произнёс.
 Сидел король шотландский,

Не шевелясь, в седле.
 А маленькие люди
 Стояли на земле.
 Гневно король промолвил:
 – Пытка обоих ждёт,
 Если не скажете, черти,
 Как вы готовили мёд!
 Сын и отец молчали,
 Стоя у края скалы.
 Вереск звенел над ними,
 В море – катились валы.
 И вдруг голосок раздался:
 – Слушай, шотландский король,
 Поговорить с тобою
 С глазу на глаз позволь!
 Старость боится смерти.
 Жизнь я изменой куплю,
 Выдам заветную тайну! –
 Карлик сказал королю.
 Голос его воробьиный
 Резко и чётко звучал:
 – Тайну давно бы я выдал,
 Если бы сын не мешал!
 Мальчику жизни не жалко,
 Гибель ему нипочём.
 Мне продавать свою совесть
 Совестно будет при нём.
 Пускай его крепко свяжут
 И бросят в пучину вод,
 А я научу шотландцев
 Готовить старинный мёд!
 Сильный шотландский воин
 Мальчика крепко связал
 И бросил в открытое море
 С прибрежных отвесных скал.
 Волны над ним сомкнулись.
 Замер последний крик...
 И эхом ему ответил
 С обрыва отец-старик.
 – Правду сказал я, шотландцы,
 От сына я ждал беды.
 Не верил я в стойкость юных,
 Не бреющих бороды.
 А мне костёр не страшен.
 Пускай со мной умрёт
 Моя святая тайна –
 Мой вересковый мёд!

20 ***

Я памятник себе воздвиг нерукотворный,
К нему не зарастёт народная тропа,
Вознёсся выше он главою непокорной
Александрийского столпа.

Нет, весь я не умру – душа в заветной лире
Мой прах переживёт и тленья убежит –
И славен буду я, доколь в подлунном мире
Жив будет хоть один пиит.

Слух обо мне пройдёт по всей Руси великой,
И назовёт меня всяк сущий в ней язык,
И гордый внук славян, и финн, и ныне дикой
Тунгус, и друг степей калмык.

И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал,
Что в мой жестокий век восславил я Свободу
И милость к падшим призывал.

Веленью божию, о муза, будь послушна,
Обиды не страшась, не требуя венца,
Хвалу и клевету приемли равнодушно
И не оспаривай глупца.

21 ***

Смешался свет витрин со светом фонарей,
Свет фар и свет реклам, свет окон и дверей,
А по реке, где спину выгнул мост,
Бежит луна – и тащит сетку звёзд.

Крутой прогиб моста рекою отражён:
Два полукруга круг замкнули с двух сторон,
А в этот круг вбегают огоньки,
Как в обруч – приручённые зверьки.

Хоть нынче на мосты не ставятся посты
И не берёт никто налогов мостовых –
По-прежнему прохожие на них
Сбавляют шаг: им нравятся мосты.

Не оклик часовых задерживает их,
А нити золотых, на сваи навитых,
Растянутых теченьем огоньков
Да помесь тины с тенью облаков.

Не нужен тут пароль. Но чудится порой:
Незримые стоят солдаты на посту,
А им как раз нужнее, чем пароль,
Сама твоя задержка на мосту.

[]

22 Бегство деревьев

Стемнело. В траве не заметишь тропинку вертучую...
И вот, чтобы глаз мой на чём-то его не поймал,
Куст выпускает тень, – как чернильную тучу
Под страхом погони выбрасывает кальмар.

Глядят исподлобья кусты в недоверье зловредном,
Как если бы каждый на их покушался покой...
А дуб – в облака унесён вдохновением бледным,
И звёздами полон, хотя его ствол – под рукой.

Берёза – в рисунке полос, полотенец, подковок, –
Как голос серебряный, сорванный несколько раз;
Не будь этих чёрных – на белом стволе – остановок,
Совсем бы она улетела, пропала из глаз...

Не видит, не слышит посёлок, окуренный снами,
Что вырвались рощи, ушли из земной западни;
Деревья не здесь! – Лишь подножья шершавые – с нами,
Как письма о том, что к рассвету вернуться они.

И наземь сойдут по ковру укороченной тени,
Улику – воздушную лестницу – спрячут.
А жаль; их утро подменит; они возвратятся не теми,
Какими их видела ночь и небесная даль...

23 ***

Когда волнуется желтеющая нива,
И свежий лес шумит при звуке ветерка,
И прячется в саду малиновая слива
Под тенью сладостной зелёного листка;

Когда росой обрызганный душистой,
Румяным вечером иль утра в час златой,
Из-под куста мне ландыш серебристый
Приветливо кивает головой;

Когда студёный ключ играет по оврагу
И, погружая мысль в какой-то смутный сон,
Лепечет мне таинственную сагу
Про мирный край, откуда мчится он, –

Тогда смиряется души моей тревога,
Тогда расходятся морщины на челе, –
И счастье я могу постигнуть на земле,
И в небесах я вижу Бога.

24 ***

Тучки небесные, вечные странники!
Степью лазурною, цепью жемчужною
Мчитесь вы, будто как я же, изгнанники
С милого севера в сторону южную.

Кто же вас гонит: судьбы ли решение?
Зависть ли тайная? злоба ль открытая?
Или на вас тяготит преступление?
Или друзей клевета ядовитая?

Нет, вам наскучили нивы бесплодные...
Чужды вам страсти и чужды страдания;
Вечно холодные, вечно свободные,
Нет у вас родины, нет вам изгнания.

25 ***

Русалка плыла по реке голубой,
Озаряема полной луной,
И старалась она доплеснуть до луны
Серебристую пену волны.
И, шумя и крутясь, колебала река
Отражённые в ней облака.
И пела русалка – и звук её слов
Долетал до крутых берегов.

И пела русалка: «На дне у меня
Играет мерцание дня,
Там рыбок золотые гуляют стада,
Там хрустальные есть города,
И там на подушке из ярких песков,
Под тенью густых тростников,
Спит витязь, добыча ревнивой волны,
Спит витязь чужой стороны.
Расчесывать кольца шелковых кудрей
Мы любим во мраке ночей,
И в чело и в уста мы в полуденный час
Целовали красавца не раз.
Но к страстным лобзаньям, не знаю зачем,
Остается он хладен и нем.
Он спит – и, склонившись на перси ко мне,
Он не дышит, не шепчет во сне!..»
Так пела русалка над синей рекой,
Полна непонятной тоской;
И, шумно катясь, колебала река
Отражённые в ней облака.

28 ***

Все года и века и эпохи подряд
Всё стремится к теплу от морозов и вьюг.
Почему ж эти птицы на север летят,
Если птицам положено только на юг?

Слава им не нужна и величие.
Вот под крыльями кончится лёд,
И найдут они счастье птичье,
Как награду за дерзкий полёт.

Что же нам не жилось, что же нам не спалось?
Что нас выгнало в путь по высокой волне?
Нам сиянья пока наблюдать не пришлось.
Это редко бывает – сиянья в цене!

Тишина. Только чайки – как молнии.
Пустотой мы их кормим из рук.
Но наградою нам за безмолвие
Обязательно будет звук.

Как давно снятся нам только белые сны,
Все иные оттенки снега замели.
Мы ослепли давно от такой белизны,
Но прозреем от чёрной полоски земли.

Наше горло отпустит молчание,
Наша слабость растает, как тень.
И наградой за ночи отчаянья
Будет вечный полярный день.

Север, воля, надежда, – страна без границ,
Снег без грязи, как долгая жизнь без вранья.
Воронье нам не выключает глаз из глазниц,
Потому что не водится здесь воронья.

Кто не верил в дурные пророчества,
В снег не лёг ни на миг отдохнуть,
Тем наградою за одиночество
Должен встретиться кто-нибудь.